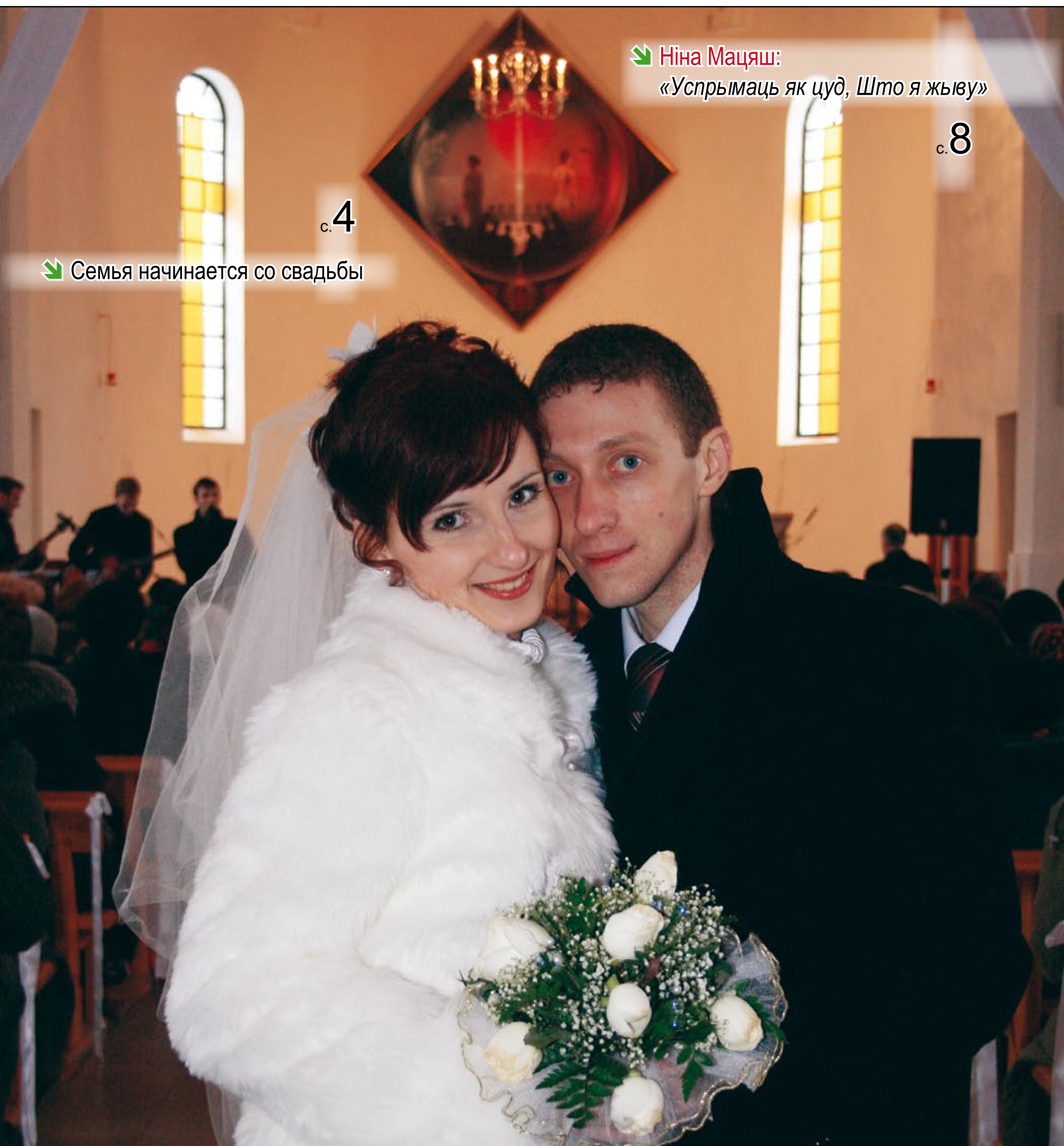
www.kartuz-bereza.com

Кожны пакліканы быць апосталам

КАРТУЗ-БЕРЕЗА

Духовно-просветительский журнал

Номер 14 Март - Июнь 2009

Во имя жизни

О Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм.
И ночь, и волны, и зарю...

Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, – в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине своей души...

Пока живу, – Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой.
Когда умру, – с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей;

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть – благодарю!

Д. Мережковский

sviatar.livejournal.com

Фото Виталия Войтеховского

Ксендз Андрей Рылко

Если жить

Что значит жить? О ком можно сказать, что он живет? Если жить – это что-то делать, ходить, видеть, то разве ребенок во чреве матери не живет? Если жить – это радоваться и страдать, переживать разные состояния духа, то разве жизнь измеряется телом? Если жить – это чувствовать, то разве мы перестаем жить под наркозом или в глубоком сне? Если жизнь – это деятельность и активность, то неужели тот, кто прикован параличом к постели, не живет? Если жить…

Тайна жизни нигде так не трогает человека, как на кладбище. Жестокая неизбежность смерти заставляет задуматься каждого человека – и верующего и неверующего. В очередной раз я в этом убедился, когда молился с верующими на кладбище в праздник Всех Святых. Кладбище было довольно новое. Как это заведено в современной Беларуси, на нем господствует полный «экуменизм»: рядом находятся и католические кресты, и православные, и памятники с красной звездой, и памятники без знаков. Мимо нашей молящейся группки католиков проходили подавленные атмосферой смерти посетители кладбища. Но в какой-то момент люди стали останавливаться возле нас и внимательно слушать. Я читал отрывок из Нагорной проповеди Христа.

«Счастливы вы…», – эхом разносилась по округе Добрая Весть. Я видел, как просветлялись лица людей, особенно тех прохожих, которые задержались, случайно услышав священника. Они слушали и, как губка, насыщались словами Евангелия. Они слышали слова надежды, слова Бога.

Переживание смертного дыхания неумолимости времени, приближения момента стать прахом – все это пугает и угнетает обычного человека. Без надежды Евангелия время становится для человека жутким отсчетом приближения погибели. «Человек рождается, чтобы умереть», – говорил кто-то из мыслителей. Для безбожника время – это отсчет его неумолимого разложения, это жесткое созерцание своей медленной смерти.

Зло времени. Так сформулировал человеческое видение времени известный философ начала XX в. А. Уайтхед. Время в перспективе человеческой смерти действительно кажется злом. С каждым днем жизнь приближается к своему концу. Чудесные мгновения счастья так быстро переходят в прошлое.

Человеку хотелось бы вернуть те мгновения, но время неумолимо проходит и идет вперед. Даже переживая радостные минуты жизни, человек знает, что это все временное. Многим хотелось бы вернуться в прошлое и исправить свои ошибки, которые так поломали их жизнь, но время неумолимо, его не вернуть. Как много людей живет страхом перед злом будущности, ожидая операции, ожидая страшного диагноза врача, ожидая плохих вестей, боясь быть обманутыми, разочарованными. Как много людей хотели бы забыть прошлое, стереть из памяти те жуткие мгновения унижения, греха, издевательства, криводушия, беспомощности. Как много людей не хотят думать о будущем, с заледеневшим сердцем прячась от его неумолимого приговора – смерть.

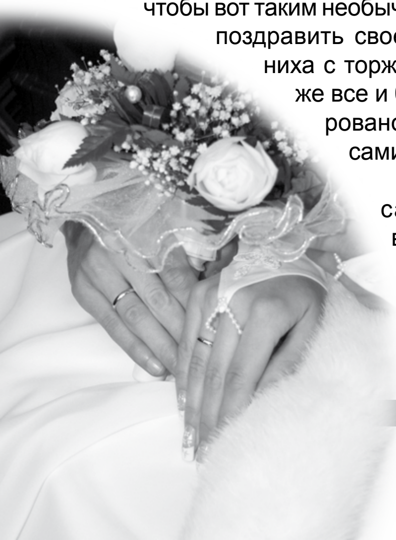
Но правда ли, что время – это зло? Может, стоит рассказать человеку о добре времени? Добро прошлого заключается в том, что оно уже прошло, забирая с собой не только хорошие мгновения, но и мгновения страданий и стыда. Добро прошлого в том, что те счастливые минуты становятся огоньками надежды, что они снова придут, и счастье, подогретое долгим временем надежды, будет еще большим. Добро прошлого в том, что те жестокие моменты несправедливости, пережитых испытаний уже закончились, и, если мы постараемся, они больше никогда не вернутся. Добро настоящего мгновения в том, что оно есть. У человека теперь есть шанс любить, быть счастливым, есть возможность исправить ошибки, приобрести что-то хорошее, подготовить счастливое будущее. Добро будущего в том, что оно полно наилучших надежд и шансов. Радость будущего – в его неизведанности, незавершенности, зависимости от теперешнего хорошего выбора и одновременно свободы от прошлого и настоящего. Время – это хороший шанс.

Наша земная жизнь – это жизнь во времени. От каждого из нас зависит, будет это время временем зла или добра. Величие и ответственность жизни человека в том, что, познавая полноту быстротечности, он не перестает быть сыном Вечности. ■

Семья начинается со свадьбы

Когда 14 февраля в березовском костеле венчались Марина и Саша Тыминские, на св. Мессе вместо органа звучали гитары, а песни исполнял не хор, а ансамбль, состоящий из пяти ребят-семинаристов.

Напрасно прихожане думали, что все было спланировано – будто музыканты специально приехали из Пинска, чтобы вот таким необычным образом поздравить своего друга-жениха с торжеством. Если же все и было спланировано, то, скорее, самим Богом.

Двое из ансамбля – Павел Рудьман и Виталий Позняк – действительно друзья Саши. Вместе когда-то начинали в костеле: катехизация, Первое Причастие, посвящение в министранты. А потом мальчишки выросли, и каждый пошел своей дорогой. Теперь, как это бывает, встречаются очень редко, потому что Саша живет и работает в Бресте, а Паша и Виталик заканчивают учебу в Пинской духовной семинарии.

И совершенно случайно (если кто-то верит в случайности) ребята из музыкальной группы «Веяние духа», запланировав выступление в Березе, узнали о предстоящем венчании Марины и Саши. И уж тут пришлось немножко подстроиться молодым: перенесли торжество с дневной воскресной службы на утреннюю.

Месса, конечно же, отличалась от привычных этому костелу богослужений. И тем, что вел ее ректор Межъепархиальной духовной семинарии имени св. Фомы Аквинского ксендз Ян Соломон, и музыкальным сопровождением, и в конце – настоящим концертом группы «Веяние духа».

Эта группа (первоначальное название – «Возрождение») была создана два года назад в Пинской духовной семинарии. Теперь в ее состав входят шестеро семинаристов: Александр Кононович, Владимир Ширей, Денис Василевский, Владислав Мудрый, Виталий Позняк и Павел Рудьман.

А начиналось все с нескольких гитар, редких репетиций в свободное время и огромного желания играть и петь. «Мы песней прославляем Бога, песней свидетельствуем, – говорит руководитель группы Владимир Ширей. – Но для того, чтобы свидетельствовать, необходимо самому неустанно познавать Бога. Песня затрагивает человеческую душу, открывает, заводит. Мы видим, как во время концерта меняются лица людей. И это здорово».

На сегодняшний день у музыкантов есть хорошая современная аппаратура, отдельное помещение для репетиций, а также поддержка со стороны руководства семинарии.

Сейчас они работают над созданием нового альбома. Многие тексты песен и музыку ребята пишут сами. Они исполняют как известные современные песни, так и старые забытые в новой аранжировке. Например, эту:

Мне закрыла цемра вочы
І зламаўся ідэал.
Я не ведаў, куды крочыць,
Усё жыццё – адзін падман.

Але мой Бог падняў мяне
Чалавечаю рукой
І павёў за сабой…

Можно только догадываться, какой след оставил этот день в судьбе молодоженов Марины и Саши, если даже посторонние люди были тронуты необычным венчанием.

Уже спустя некоторое время после свадьбы я разговаривала с молодой семьей, где жена православная, а муж католик (Марина воспитывалась в православных традициях). Меня больше занимал вопрос подготовки к венчанию в костеле.

«Прежде чем принять таинство венчания, надо об этом за несколько месяцев до торжества сообщить настоятелю того костела, в котором хочешь венчаться, – рассказал Саша. – Раз Маринка православная, то она в письменном виде давала обязательство воспитывать наших будущих детей в католической вере. Затем надо пройти курс занятий для молодых людей, вступающих в брак. Так как мы живем в Бресте, то для нас эти занятия были организованы в костеле Воздвижения Святого Креста настоятелем кс. Юрием Хиневичем. Мы добросовестно посетили все занятия, иначе нам бы не выдали специальную для венчания лицензию. И уже с этой лицензией, счастливые, отправились в Березу».

На мой вопрос о том, как отреагировали родители Марины на венчание в костеле, молодая жена ответила: «Мама была сразу против. И я как-то немного растерялась. С одной стороны – Сашка, которого я не могу представить без костела, а с другой – мама. И тогда Саша твердо сказал: «Ты должна сама принять решение». А я к тому времени уже ходила с ним на службы по воскресеньям, мне уютно в костеле. И выбор был сделан. Повенчавшись в костеле, я ведь все равно осталась православной».

Мудро. Я подумала, как же прекрасно, когда еще совсем юные девушка и парень умеют так мудро рассуждать. Ведь это очень-очень важно – начать совместную жизнь правильно.

Ирина Богуш

Фото из семейного архива

Гиппократ предан

Консультант. Когда-то, еще в царские времена, так называли врача – от латинского слова consilium – совет – тот, кто советует. Врач ведь не только лечил, но и советовал; впрочем, и до сих пор врачи выполняют эту функцию. Если рекомендации врача действительно помогали, люди проникались к нему доверием. Его советы часто воспринимались как обязательные предписания, почти как Божьи заповеди, а иногда их соблюдали даже более строго. Понятное дело – человеку хочется жить, быть полным сил и энергии. Ради собственного здоровья он готов даже на некоторые отречения: ведь здоровье, которое на самом деле является вторичной, временной ценностью (после смерти оно никому не нужно), часто воспринимается как высшее благо. Можно даже сказать, что разговоры о здоровье и самочувствии занимают, по меньшей мере, половину всех людских бесед: кто-то жалуется, кто-то советует. Но в первую очередь, среди всех советчиков слушают, конечно, врача.

Слушают? Или, скорее, слушали?

Положение врача в обществе изменилось. И особенно после второй мировой войны, которая, кроме иных ужасов, поставила врачей в один ряд с преступниками. Со времен Гитлера, который в свою лживую нацистскую политику, уничтожающую миллионы людей, втянул и врачей, все изменилось. И хотя Нюрнбергский суд и вынес смертный приговор группе врачей за злоупотребления в профессиональной этике, с тех постыдных годов все стало по-другому – уничтожена профессиональная этика службы охраны здоровья. Медицина потеряла независимость, а нормы врачебной этики заметно занижены – уже не всегда можно быть уверенным, что совет врача спасет тебе жизнь – тебе или твоему ребенку. Попав в больницу, человек не может быть уверен в благополучном исходе, ведь… доктор может решить, что он пожил достаточно на этом свете и уже заслужил «милосердную, безболезненную смерть».

Фото PIXLAND / EAST NEWS

В Нюрнберге немецким врачам был вынесен смертный приговор за то, что они добивали больных путем инъекции фенола в сердце; в наши дни врачи делают то же самое, только совершенно безнаказанно. Сегодня их никто за это не обвиняет. Наоборот, обвиняют тех, кто пытается вернуть во врачебную этику старые добрые правила Гиппократа.

Сегодня врач, заранее объявляя ребенка больным, даже не пробуя его лечить, советует убить малыша. Сегодня не моргнув глазом врачи выписывают препараты, которые делают женщину бесплодной, прекрасно зная, что они вредны для ее организма; значит, в наши дни женщину оберегают не от болезни, как было раньше, а от ребенка. Сегодня пожилой человек боится попасть в больницу – не уверен, выйдет ли оттуда.

Принципы врачебной этики попраны и растоптаны, понятия смешаны. Студентам медицинских факультетов больше не читают лекций по врачебной этике и деонтологии, как раньше. Правила поведения во врачебной практике зачастую диктуют… деньги. Место в больнице – за деньги, лекарство – за деньги, смерть ребенка и все что угодно – за деньги. Врача сегодня можно купить. А его советы? Какие рекомендации дает сегодня Консультант нашего времени? Я знаю врача, посоветовавшего двадцатилетнему парню, страдавшему некоторой нервозностью, найти себе женщину; парнишка нашел «девочку» и спустя несколько месяцев лечил уже не нервозность, а сифилис. Еще один объяснил семинаристу, жалующемуся на головные боли, что причина его недуга – целибат, а через два месяца пациента оперировали

нейрохирурги – у него обнаружили гематому. Когда-то я разговаривала со своим врачом, которого много лет назад выбрала как хорошего специалиста. Господин профессор гинекологии сказал мне прямо: «Я надеюсь, Вы не будете настолько глупы, коллега, чтобы рожать во время учебы?» Как же, я ведь была студенткой, а он назвал меня коллегой, но я ответила: «Буду настолько глупа, господин профессор».

Проблема защиты ребенка мне небезразлична. Наоборот, в течение многих лет она является смыслом моей жизни, корнями своими уходя еще во времена оккупации. В концентрационном лагере в Равенсбрюке встречались беременные женщины, согнанные с разных сторон мира. Но знаменательная вещь – беременность никогда не прерывали, женщина всегда рожала. После родов младенцы умирали от голода, или их бросали прямо в т.н. «heizung» – просто в печь. Фашисты прекрасно понимали, что прерывание беременности разрушает организм женщины-матери, а роды являются физиологически естественным фактором. Не желая уничтожать «рабочую силу», они позволяли женщинам рожать.

Будучи еще совсем молодой девушкой, я увидела, что творят там с детьми, с малышами, которые едва появились на свет. Именно тогда я решила: «Если выберусь отсюда, сделаю все, чтобы спасать детей. Всех детей».

Многолетние наблюдения позволяют мне с уверенностью заявить: «Любая женщина, позволившая убить ребенка в своем лоне, будет страдать многие годы». Ребенок действительно умирает, и умирает не «что-то», а человек. Каждая из них это прекрасно знает; не только потому, что ученые, лауреаты Нобелевской премии, доказали своеобразие генетического кода человека и весь научный мир утверждает, что с момента оплодотворения это – человек. Нет, женщины зачастую вообще ничего не знают о генетическом коде, но они прекрасно понимают, что это – ребенок. Они не хотят именно ребенка; если бы это «что-то» не было ребенком, то в чем же проблема? Пусть себе растет. Но любая женщина знает, что это – ребенок, и пытается об этом забыть, «прикрыть на это глаза», в чем ей успешно помогает дегенирировавший врачебный мир.

Когда во Франции голосовали за принятие закона, разрешающего убивать детей, врачи потребовали дать подобающее название тем, кто решит этим заниматься, – «абортеры» – вместо акушеров, которые помогают ребенку появиться на свет. Именно эти врачи-«абортеры» и этот несчастный закон, санкционирующий беззаконие, подталкивают женщину к принятию страшного решения. А что дальше? Вот именно, никого не интересует, что же дальше. Гинеколог, убивший ребенка в лоне матери, утверждает, что это такая же операция, как удаление зуба. Иногда бывают осложнения, но очень редко… Но в действительности, к врачу, который убил ребенка, женщины больше никогда не приходят. Это мне, психиатру в семейной и психиатрической консультациях, приходится лечить этих несчастных женщин.

Профессор Роснер, один из ведущих гинекологов, еще в начале 20 века заявил, что прерывание беременности равнозначно тому, что женщину-мать бросают под колеса скорого поезда. Разодранную на куски, ее уже никогда не удастся полностью восстановить.

Неправда, что женщины хотят убивать детей; они чувствуют себя вынужденными так поступать, не видя иного выхода из сложившейся ситуации. У каждой женщины своя история. Но мне кажется, очень верно подметил профессор Шошар, старый нейрофизиолог, что, по его мнению, ни одна женщина в мире не убила бы дитя, если бы отец ребенка взял на себя ответственность за судьбу малыша. Только где же эти отцы? А ведь акт оплодотворения был результатом его деяния, и, возможно, если бы ему грозило наказание, то этот безответственный мужчина испугался бы и из-за страха смог взять свое сексуальное поведение под контроль хотя бы в период, когда может произойти зачатие, и не обрекать ребенка на прихоть судьбы.

В настоящее время у меня под психиатрическим наблюдением находится 18-летний юноша, который уже третью девушку отправляет к гинекологу по одному и тому же вопросу – на аборт. По воле случая, третья попала ко мне, и поэтому ребенок родится. Юнец обидел девушек, спровоцировал смерть детей и беззаботно и безнаказанно продолжает заниматься этим дальше. Все это последствия закона, который, к сожалению, действует и у нас. Закон привел к опустошению народа, деморализации врачей, деморализации мужчин, к трагической судьбе разбитых и, если не брошенных, то подавленных женщин.

Но вернемся к врачам. Однажды женщина, вынашивающая четвертого ребенка, попросила меня найти ей место в хорошей больнице. Предыдущего ребенка она рожала в больнице по месту жительства, и уже тогда у нее было столько неприятностей, что она боится попасть вновь туда же. Я поехала с ней в Краков, и мне пришлось самой пережить шок. Роды начались раньше, чем предполагалось, как раз на Великий Четверг. Я привезла ее в дежурный госпиталь (женщина жила у меня) и в зале ожидания, в приемной, я и пережила шок. Там за ширмой врач как раз разбирался с последней пациенткой. Мы слышали отголоски этого «разбирательства». В какой-то момент женщина, которую исследовали, крикнула от боли, а господин доктор рявкнул (цитирую дословно): «Что же Вы теперь мычите, как корова? Надо было послушать меня полгода назад».

Я не преувеличиваю. Моя пациентка, которая из маленького городишка, где ее знали и плохо с ней обращались, сбежала в Краков, бросила на меня панический взгляд.

Предыдущую пациентку отправили в отделение. Я вошла за ширму со своей подопечной и сказала:

– Доктор, разрешите мне представиться, и прежде, чем Вы займетесь пациенткой, я попрошу книгу жалоб.

– Зачем? – испугался он.

– Мне бы хотелось записать одну поучительную цитату из Вашей речи.

Я представилась. Этого оказалось достаточно, чтобы заставить доктора мгновенно отреагировать – я ведь работаю врачом довольно давно, и краковские гинекологи знали мою фамилию.

Доктор начал объяснять, что он, мол, устал под конец дежурства – наверняка, так оно и было. Я не стала ничего вписывать в книгу, ведь моя цель – другое отношение к моей пациентке – была достигнута.

Жесткие, вульгарные – таковы они все, люди, которые без зазрения совести убивают детей – я уверена, что такая врачебная практика вызывает серьезные изменения личности. Для убийства нужны особые данные – нормальный человек на это не способен. Чтобы убивать невинных детей, надо что-то подавить в себе, стать совершенно бесчувственным.

Исследования над личностью «абортеров» не проводятся. В литературе я наткнулась на описание одного случая, произошедшего в Англии. Врач во время такой операции закричал: «Кровь! У меня на руках кровь невинных!» В реактивном психозе он бросился к окну. А многие занимаются этим годами без всяких угрызений совести.

Я знаю врача, который в тот день, когда он выскреб тысячного ребенка, поставил своим ассистентам коньяк.

Врачи…

Люди, которых уважали веками. Поколение Юдимов, Корчаковых, Пастеров – врачи высокого класса, о которых неоднократно говорили: «Истинный врач, врач от Бога».

А сегодня…

По книге Ванды Пултавской «Жизнь, и только жизнь»

Самоубийству – НЕТ!

К сожалению, в последнее время все чаще можно столкнуться с ситуациями, когда люди, встретившись с жизненными трудностями, не думают, как справиться с ними, а решают расстаться с жизнью. Попытки самоубийства взрослых – трагедия для окружающих, особенно для близких людей. Но еще большей трагедией являются попытки расстаться с жизнью у детей и подростков.

Что представляют собой детские суициды (или самоубийства)? Почему они происходят, и что могут сделать родители, чтобы их предотвратить?

Мне, как педагогу-психологу, не раз приходилось давать ответы, связанные именно с этой печальной темой.

С какого возраста ребенок может предпринять попытку уйти из жизни?

Дети до 11 лет реальных попыток уйти из жизни почти не совершают. Хотя их и могут посещать трагические фантазии в минуты отчаяния. Статистика показывает, что попытки самоубийств появляются у детей, начиная с 11 лет. Пик приходится на старший подростковый возраст – 14-16 лет.

Какие причины приводят к этому?

Основная причина детских суицидов – это непонимание их как взрослыми (родителями, учителями), так и сверстниками.

- Это могут быть внутрисемейные конфликты: развод родителей, ссоры с ними, боязнь наказания, смерть близких.
- Конфликты в школе: споры с учителями, несложившиеся отношения со сверстниками.
- Несчастная любовь, измена.
- Конкретная неудача (не сдал экзамены, не написал контрольную работу).
- Страх перед конкретной угрозой.
- Обстановка постоянного насилия (физического и психического) и другие стрессовые ситуации.

Причем, именно для подростков характерно на кризисные ситуации реагировать попытками расстаться с жизнью. Это объясняется тем, что подростки оценивают мир с позиции «черное-белое»: выносят категоричные суждения как окружающим, так и самим себе; сложно мирятся с несправедливостью; не справляются с эмоциями.

Фото liveinternet.ru

По статистике попытки расстаться с жизнью у подростков, как правило, спонтанные, непродуманные, неспланированные и предпринимаются на пике эмоциональных переживаний. Часто они носят демонстративный характер, при котором ставится цель не уйти из жизни, а привлечь внимание «обидчиков», наказать их, заставить «понять» и т.д. Как правило, такие попытки рассчитаны на «зрителей», но кончаются, к сожалению, порой трагически. Подростки ошибаются в расчетах, переигрывают и… умирают, сами того не желая.

В целом статистика показывает, что острота переживаний ребенка становится несовместимой с жизнью, если он отвергнут в родной семье (особенно матерью).

По каким признакам окружающие, родители могут распознать, что у ребенка появились мысли уйти из жизни?

- Ребенок может прямо говорить о смерти. Это выражается в таких фразах: «Я собираюсь покончить с собой», «Я не могу так жить», «Завтра меня уже не будет».
- Косвенно намекает о своем намерении: «Я больше не буду ни для кого проблемой», «Ничего больше не имеет значения», «Тебе больше не придется обо мне волноваться».

Косвенным свидетельством об имеющихся у ребенка саморазрушающих мыслей, которые должны насторожить, являются такие выражения, как «надоело», «сыт по горло», «больше ты меня не увидишь», «пожил – и хватит», «хочется положить всему этому конец», «ненавижу себя, все и всех», «если мы больше не увидимся, спасибо тебе за все».

Также родителей должно насторожить, когда:

- Ребенок стремиться к одиночеству, уходит в себя.
- У него усиливается чувство тревоги.
- У него имеют место перепады настроения.
- Когда ребенок много шутит на тему самоубийства.
- Проявляет нездоровую заинтересованность к вопросам смерти.
- Поглощен мыслями о смерти и загробной жизни.
- Завуалировано пытается «попрощаться»: дарит свои вещи и любимые предметы близким друзьям, приводит дела в порядок.

Что могут предпринять родители, если они заметили в своем ребенке вышеназванные признаки?

Если родители чувствуют близкую опасность, необходимо, прежде всего, отложить все дела и находиться с

Елена Каташевич
педагог-психолог

Как помочь ребенку прожить горе

У ребенка умер близкий человек – родитель, бабушка, дедушка… Как объяснить ему это? Ведь оттого, как взрослые, находящиеся рядом, реагируют на горе, зависит то, как ребенок справится с несчастьем.

Общение и отношения с ребенком, столкнувшимся со смертью близкого человека, должны быть осторожными и максимально корректными. Так, ребенку нужно обязательно рассказать о случившемся еще до похорон, позволить задавать ему вопросы и обязательно отвечать на них. Если вы не знаете что сказать, лучше отреагировать словами: «Не знаю» или «Я подумаю и отвечу тебе позже», чем вообще промолчать. Терпеливо отвечайте на вопросы, даже если ребенок повторяет их многократно. Так вы поможете ему лучше понять и осознать случившееся. Иногда очень трудно ответить на прямые детские вопросы, но если ребенок настолько развит, что может задать вопрос, значит, он достаточно развит, чтобы получить прямой на него ответ. Избегайте ответов типа «умерший спит» или «он (она) ушел или уехал». Это может вызвать у ребенка страх засыпания, либо чувство вины, что взрослый уехал из-за него.

Для ребенка также важно сделать потерю реально ощутимой. Для этого позвольте ему видеть мертвого, разрешите попрощаться с ним. Не нужно скрывать от него своих чувств, ведь печаль, тоска – естественные реакции даже у детей. Покажите, что такие чувства разрешены. При этом хорошо заранее поговорить с теми, кто будет присутствовать на церемонии прощания, о том, чтобы они выражали свои чувства в присутствии ребенка не столь эмоционально (не кричали, не впадали в истерику) – это может напугать ребенка и повлечь за собой различные нарушения в его развитии.

После смертного случая дети часто болезненно переносят расставания. У ребенка может появиться страх, что с живущим рядом значимым взрослым тоже может что-то случиться. Говорите с ребенком о его страхах. Уверьте, что подобные случаи бывают очень редко. На вопрос «Ты тоже можешь умереть?», можно ответить: «Когда-то да, но это будет еще очень нескоро».

Ребенок после перенесенной потери может испытывать сильную потребность вспоминать умершего. Он может часами смотреть на его фотографию, может взять что-либо из его вещей, носить их с собой, спать с ними. Не запрещайте ребенку делать это. Также у него может возникнуть желание посетить места, где он был вместе с умершим, желание посетить его могилу. Если есть возможность, сделайте это вместе с ребенком. Все это поможет ему постепенно осознать то, что произошло.

Важно помнить, что ребенок в первое время после несчастья испытывает сильную потребность в близости, поэтому лучше всего избегать ненужных разлук, не затягивать с возвращением ребенка из школы либо детского сада. Также важно придерживаться порядка, заведенного в семье до трагического случая.

У детей существуют и свои собственные способы справляться с сильными чувствами. Так, например, они могут устроить ритуал похорон животных, могут рисовать могилы с крестами и т.д. Ребенок более старшего возраста может описать произошедшее в своем личном дневнике. Не останавливайте детей при подобных играх, рисовании, записях. Для детей это нормальные способы выражения своих чувств. Они помогают им выразить свои эмоции, сформировать свое отношение к смерти.

Если поведение ребенка после смерти значимого человека сильно меняется либо сильные эмоции не теряют своей интенсивности в течение длительного времени, в таком случае следует обратиться за помощью к специалистам – к психологу, психотерапевту. ■

ребенком рядом до тех пор, пока это настроение, мысли не пройдут.

Очень важно пересмотреть свои отношения с ребенком, больше его выслушивать, интересоваться его мнением, ценностями, взглядами. Важно быть внимательным к ребенку, но не назойливым или безразличным; быть собеседником, а не лектором, быть руководителем, а не надсмотрщиком или потакателем капризов.

Также важно относиться серьезно к любому намеку в словах ребенка, даже если он просто выкрикнет сгоряча: «Я не хочу с вами жить!», «Как вы все мне надоели!» и т.д.

Важно избегать так называемых провоцирующих реакций. Наиболее типичная ошибка взрослых – это смех и фразы типа: «Ну и, пожалуйста! Никто тебя не держит». Это слова, от которых веет холодом и равнодушием, ребенок может посчитать их лишним доказательством того, что он одинок и никому не нужен.

Самое главное – нужно показать своему ребенку, что он не безразличен, дать почувствовать, что он любимый, постараться уверить, что все душевные раны со временем заживут, что безвыходных ситуаций не бывает и помочь ему увидеть этот выход. Главная мысль, которую родители должны донести до ребенка, следующая: *в мире есть кто-то, кому ты нужен и есть кто-то, кто нужен тебе, поэтому уходить отсюда нельзя.*

Если родители понимают, что самостоятельно не могут справиться с состоянием ребенка, в этом случае необходимо обратиться за помощью к специалистам. В частности, к педагогу-психологу школы. Если такого специалиста в школе нет – в социально-педагогический центр нашего района, позвонив по телефону 2-22-70. Данный телефон является «Телефоном доверия», поэтому позвонить по нему можно анонимно. ■

Нескучная жизнь

В Сигневичском костеле она всегда сидит на первой скамье. Строго и внимательно следит за ходом службы, чтобы не пропустить вступление хора, в котором она неизменная запевала от первого дня возрождения костела. При решении насущных проблем в костеле всегда спрашивают у нее совета. А если надо поехать на областной фестиваль народных культур, чтобы исполнить польскую песню, она готовит своих подруг, и назад они возвращаются обязательно с дипломом.

Ее зовут Чиж Станислава Апполинаровна, ей 83 года. И, несмотря на преклонный возраст, она все еще хорошо выглядит: высокая, худощавая, с молодыми голубыми глазами. Мы, ученики, Сигневичской средней школы, не раз бывали у нее в гостях, приглашали на школьные встречи. С ней нескучно: она знает массу интересных историй, поет, шутит. Имея феноменальную память, женщина подробно рассказывает о своем детстве, о том, как училась в польской школе. А сколько стихов тех лет она знает и читает наизусть, и по-польски, и по-русски! О природе, о любви, о доброте людской. Не лишенная актерского дарования, Станислава Апполинаровна сходу прочитала мне одно юмористическое стихотворение про чай, в то время когда его только начинали пить.

Раз прислал мне барин чаю
И велел его сварить,
А я отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.

Брал же я на скору руку,
Сыпал я его в горшок.
Для прикрасы перцу, луку
И петрушки корешок.

Поставил я на тагане,
Раз-второй покипятил,
А потом для украшенья
Сверху маслицем полил.

Чай мой вышел – объеденье!
Занес в горницу на стол,
Положил тарелку, ложку –
Вот и барин подошел.

– Чай готов, извольте кушать! –
Снял я с барина пальто.
– Хорошо, когда так служат,
Я хвалю тебя за то…

Слышу: барин расходился.
Меня в горницу позвал,
В волоса мои вцепился
И таскал меня, таскал!

Долго думал я, раздумвал,
Чем же мог не угодить.
Аж потом я догадался,
Что забыл чай посолить.

О военных годах рассказывает Станислава Апполинаровна всегда со слезами на глазах. Она вспоминает о своих соседях Круках – бравых парнях-красавцах Сергее и Михаиле, которые погибли весемнадцатилетними. Ее свекор был убит под кляштором в городе Березе, а муж сестры – на Бронной Горе, оставив троих маленьких детей. Поэтому каждый раз в День Победы она, оставив все дела, идет с охапкой выращенных ею красных тюльпанов к обелиску на митинг, чтобы почтить память погибших земляков.

И о Великой Отечественной войне женщина знает много песен, которых я никогда не слышала. Особенно тронула мою душу песня про раненого бойца, которую Станислава Апполинаровна пела у нас на школьном огоньке. Песня повествует о том, как среди принесенных после боя раненых моряков медсестра узнает родного брата. Она бросается к доктору и просит спасти его:

Врач посмотрел, покачал головою,
Тихо сказал: «Не жилец,
Не перенесть ему раны смертельной,
Час проживет – и конец».

И солдат умирает на руках сестры. Сколько горя в этой песне, сколько боли! И Станислава Апполинаровна поет ее так, что люди, сидящие в зале, плачут.

А еще она рассказывает про доброго немца. В 1941 году ей было 17 лет. И вот погнали их, молодых девушек и подростков-парней, рыть оборонительные окопы.

Фото Кристины Зеленко

Приют

О чем мечтает современный ребенок? О новом мобильном телефоне, о компьютере, о роликовых коньках, об интересных поездках. А знаете, о чем мечтают дети, у которых родители лишены родительских прав? О непьющих родителях, о спокойной семье, где мама готовит обед, а папа помогает решать большие и маленькие проблемы.

Я иногда посещаю дом, который называют детским приютом. Возможно, это правильно: дом – это ведь навсегда, а здесь только временно. Иногда беседую с социальным педагогом Потапчук Светланой Васильевной. От нее, например, я узнала, что в 2008 году родительских прав были лишены две

Фото Евгения Попко

Дали лопаты и заставили копать. Случилось так, что приглянулась она одному немцу. Он наблюдал за ней и, увидев, что девушка устала, взял из ее рук лопату и стал копать вместо нее, а ее усадил на траву отдыхать. «Значит, – говорит Станислава Апполинаровна, – и среди немцев были добрые люди, но подневольные».

После войны вышла замуж Станислава Апполинаровна за вернувшегося домой с пулей в ноге молодого солдата Николая. Трудно было: надо поднимать разрушенное войной хозяйство, строить избу, растить детей, которых в семье пятеро. Дети росли, нянчили младших. А она, как многие другие женщины, каждый день шла на работу в колхоз. Работы приходилось выполнять разные, не по-женски трудные и, главное, все вручную: заготавливали сено, сеяли кукурузу и лен, пололи, садили картошку, доили коров, стригли, серпами жали зерновые. И свое хозяйство надо было держать, чтобы кормить семью – в магазине ведь ничего не продавалось.

Одевать детей тоже надо было во что-то, поэтому Станислава Апполинаровна научилась вязать. И так ловко это у нее получалось, что успевала не только свою семью «обвязывать», но и чужих. Приносили заказы даже из соседних деревень: платки, юбки, кофты – никто в округе лучше ее не вязал. Когда на празднике деревни несколько лет назад в клубе была выставка вязаных вещей, комиссия не могла поверить, что это не машинная вязка.

В культурной жизни деревни Станислава Апполинаровна также в числе первых. В составе фольклорного ансамбля «Венок» она много лет пела на сценах.

А чем сейчас живет эта неустанная женщина? С весны до осени собирает лекарственные травы для лечебного чая – себе, детям, внукам. До последней сориночки выпалывает свой огород, где у нее всегда хороший урожай. Осенью, убрав свою картошку, поможет еще родственникам и знакомым.

Начиная с середины лета, ее часто можно видеть бодро идущей в лес за грибами. Встречные ей говорят: «Бабушка Стася, нет сейчас грибов в лесу». А она отвечает: «Это для вас нет, потому что вы собираете только лисички да белые. А мои грибы меня всегда ждут». И несет домой полную корзину, а в ней и волнушки, и сыроежки, и рыжики, и маслята. И готовит она их по-разному: одни отварит, другие холодным способом засолит, а третьи высушит.

Вот такая она – Станислава Апполинаровна – простая женщина из нашей деревни. Когда я спросила, как ей удалось, прожив такую трудную жизнь, сохранить здоровье, оптимизм, она ответила просто: «Бог создал человека и дал ему законы, по которым надо жить. Чтобы их исполнять, надо много трудиться».

Анастасия Заранко
(д.Сигневичи)

от слова «*приютить*»

мамы и что не только из-за алкоголизма родителей лишают родительских прав. Причиной может быть невыполнение родительских обязанностей, уклонение от воспитания, антисанитарные условия в доме. Случается, что дети, не выдерживая жестокого обращения и унижения, сами приходят в приют, но по закону заявление могут написать только те, кому исполнилось 14 лет.

В приюте находится девочка, которой всего 1 год и 7 месяцев. Во время последнего моего посещения я взяла маленькую Варю на руки. Крохотные ручонки малышки обвились вокруг моей шеи. Так не хотелось выпускать из объятий эту крошку, чья жизнь сейчас в руках воспитателей. В руках Бога. А сколько их, таких маленьких девочек и мальчиков, которые вызывают слезы на глазах!

Березовский приют существует уже 4 года. И те, кто сейчас заменяет детям родителей, стараются скрасить их жизнь, вернуть, насколько это возможно, украденное детство. Поэтому и устраивают воспитатели как можно чаще разные культпоходы и поездки. И в Беловежской пуще ребята были, и в Минске на Рождественской елке, не говоря уже о том, что ни одно культурное мероприятие города не проходит для детей незамеченным.

У приюта много добрых друзей. Это магазины «Феникс» и «Сам», салоны-парикмахерские «Эксклюзив», «У Светланы», «Арт-леди», а также предприятия города. И те, кому пришлось хоть раз побывать в этом необычном доме по улице 17 сентября, знают, как все его жильцы умеют радоваться гостям.

Когда-то, читая своей сестре сказку, я навсегда запомнила слова старого дома: «Какое это счастье – быть нужным кому-то… Жизнь пуста и бессмысленна, если живешь для самого себя».

Но больше всего меня в приюте удивило вот что: все дети дружат между собой, несмотря на возраст. 13 лет и 1,7 – здесь это не имеет значения. Они как семья.

Кристина Зеленко, *член кружка журналистики ЦВР (г. Береза)*

АНГЕЛОЧЕК

Здравствуй, дорогой друг! Я очень-очень рад нашей встрече. А ведь как часто бывает так, что люди уже никогда не могут встретиться на земле. Бог забирает наших близких к себе. Этот переход означает Жизнь Вечную на Небе с нашим Отцом.

Давай вспомним с тобой о том, как Иисус воскрешал умерших, что Он говорил людям о Жизни Вечной.

Ответь на мои вопросы и ответы присылай на электронный адрес журнала: kartuz@mail.by

ВИКТОРИНА

1. Имя начальника синагоги, дочь которого Иисус воскресил из мертвых.

2. Что посоветовал Иисус сделать богатому начальнику, чтобы наследовать Жизнь Вечную?

3. Победа над смертью.

4. *– Если ты Сын Божий, бросься отсюда вниз.*
– Не искушай Господа Бога твоего.
Между кем происходил этот диалог? При каких обстоятельствах?

5. Смерть Иисуса.

6. *«Не трудись, Господи! Ибо я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой; поэтому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой...»* Кто сказал Иисусу эти слова и при каких обстоятельствах?

Шаль, которая туманила людям голову

Сказка

На свете жило короткое и хитрое Мгновение со своей волшебной и обманчивой шалью из невидимой пряжи. Оно очень любило тех детей, кто думает только о дне сегодняшнем и кто хочет получить все сразу и сейчас. На таких людей Мгновение накидывало свою шаль, и человек совсем переставал думать о том, что будет потом, в будущем, и не мог усмотреть того, что его ждет впереди.

А важное будущее всегда жило за долгими днями и годами, и многим людям казалось совсем далеким. Вот люди и забывали время от времени о своем будущем. Они начинали думать только о том, что должно быть сейчас и теперь, и быстро оказывались под волшебной шалью, туманящей голову.

И вот однажды Мгновение прилетело к мальчику Роме, который только что нашел кошелек с деньгами, и не знал, что с ними делать. Мгновение накрыло Рому своей волшебной шалью, и Роме тут же захотелось сразу же и сейчас, совсем не думая о будущем, истратить все деньги на свои любимые конфеты. В магазине он купил целый ящик любимых карамелек и тут же принялся их есть.

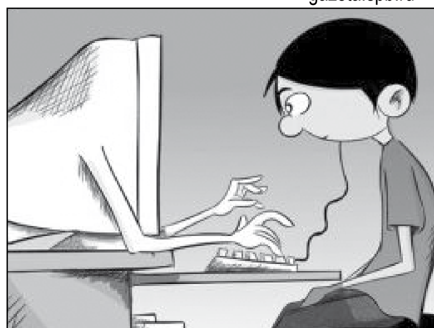
– Ешь, Рома, ешь, – тихо и радостно нашептывало ему Мгновение. – Сейчас тебе вкусно и приятно и совсем не надо думать о том, что будет потом, думай только обо мне.

Мгновение обволокло Рому своей шалью, и он совсем забыл о том, что ему говорили про конфеты взрослые. Три дня длилось у Ромы карамельное счастье, были карамельные завтраки, обеды и ужины. Три дня тайком от родителей он ел конфеты, спрятав большой ящик себе под кровать. А на четвертый день у него один за другим стали болеть почти все зубы. Еле-еле терпел Рома боль, ведь врачей, а особенно зубных, он ужасно боялся. Обманчивое Мгновение со своей волшебной шалью давно уже улетело к другим, а Рома стал думать о том, как тяжело ему с такой болью придется жить всю длинную будущую жизнь. Через неделю боль усилилась и стала такой невыносимой, что Рома не мог есть и все время держался руками за щеки. Ему ничего не оставалось делать, как во всем признаться родителям. После трех дней счастья у Ромы был целый месяц горя и страха, потому что каждый день зубной врач лечил его зубы. Теперь Рома на своем горьком опыте узнал, что значит вовремя не подумать о будущем, и о том, что ждет впереди.

Но прошел год. Рома почти забыл про свое карамельное счастье и зубное горе, и с ним опять произошла похожая история. Это случилось тогда, когда родители купили ему компьютер с интересными и увлекательными играми.

Но на компьютере нельзя было играть больше получаса, потому что можно было испортить зрение на всю будущую жизнь. Но Рому далекая будущая жизнь ни капельки не интересовала. Разве нужно о ней думать, когда рядом компьютер с увлекательными играми. Вот тут-то и подлетело Мгновение со своей шалью. Накинутая на Рому шаль окончательно затуманила голову и он, забыв предупреждения родителей, стал целыми днями играть на компьютере.

gazeta.spb.ru

– Играй, играй, Рома, пока все на работе, – шептало Мгновение, – главное, что тебе сейчас хорошо и приятно, и не думай о том, что будет потом и не скоро.

Рома играл целыми днями напролет. Через неделю перед глазами у Ромы стали все предметы расплываться, но он, не обращая внимания, все играл и играл. И вот через месяц Рома, встав утром с постели, смог еле-еле найти свою одежду, а одевшись и подойдя к компьютеру, он никак не мог разглядеть клавиши. Рома тер глаза, даже как следует умылся, но ничего не помогало – перед глазами все расплывалось и теряло формы. Тут Мгновение, поняв, что мальчик в компьютер больше играть не сможет, сняло с Ромы шаль и улетело. А Рома только теперь со страхом осознал и понял, что случилось.

Теперь Рома уже вырос. Он учится в девятом классе и всюду ходит в очках, потому что без очков почти ничего не видит. Но зато очки ему теперь помогают. Каждый раз, надевая их, Рома вспоминает о том, что прежде чем что-то сделать сейчас, нужно обязательно подумать, что может случиться и произойти потом, в будущем.

Страничку подготовили Людмила и Светлана Головко

Ніна Мацяш: «Успрымаць

Фота Алены Усцілоўскай

Ніна Язэпаўна Мацяш нарадзілася 20 верасня 1943г. у вёсцы Нівы Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Скончыла Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў. Лаўрэат фестывалю «Берасцейская зорка-98», Літаратурнай прэміі імя Аркадзя Куляшова, Заслужаная дзеячка мастацтваў Беларусі. Аўтар зборнікаў паэзіі «Агонь» (1970), «Удзячнасць» (1973), «Ралля суровая» (1976), «Прыручэнне вясны» (1979), «Поўны келіх» (1982), «Шчаслівай долю назаві» (1990), «Богава дрэва» (2004) і інш. Перакладала з нямецкай, французскай, польскай, украінскай моў. Найбольш значныя пераклады: «Свет, варты вяртання» (1991г.) і «Хвіля» (2005г.) Віславы Шымборскай (польская Нобелеўская лаўрэатка 1996г.), «Маленькі прынц» і «Планета людзей» А. дэ С.-Экзюперы, раман у вершах «Маруся Чурай» Ліны Кастэнка і інш.

Вершы беларускай паэтэсы пакладзены на музыку мясцовымі і сталічнымі кампазітарамі (В.Перапёлкін, Г.Федасюк, М.Марозава, С.Кукса, Л.Міхайлоўская, А.Марозаў). Аўдыёкасета «Бэзавая завіруха» (2004г.) Ніны Мацяш – сапраўдны музычна-паэтычны шэдэўр. Касета змяшчае вершы ў выкананні аўтара, а таксама песні на яе творы. Цікава, што некаторыя свае вершы Н.Мацяш сама «паклала» на музыку: «Усмешка», «Забялела ночка», «Калядная», «Песня ў цярноўніку».

Не стала Ніны Мацяш 19 снежня 2008г.

Успаміны сяброў

З асобай Ніны Мацяш, можна сказаць, знаёмы даўно. Нашы шляхі-дарогі, асабліва ў апошнія гады, перакрыжоўваліся часта. Спачатку завочна: аднойчы, яшчэ шасцікласнікам, напісаў у часопіс «Вясёлка» просьбу надрукаваць яе п’есу для дзяцей «Прыгоды трох парасят», якую хацеў як важаты паставіць з драмгурткоўцамі ў падшэфнай пачатковай школе. Але, відаць, з-за няўважлівага чытання майго ліста супрацоўнікі прыслалі Мацяш «заказ» напісаць дзве-тры песні да гэтага твора. Як потым значна пазней прызналася сама паэтэса: і нашто малому земляку спатрэбіліся гэтыя песні? Няўжо сабраўся сам іх дзесьці спяваць?

Агмень яе душы

І якое дзіва адбылося ў маім дзіцячым жыцці! Прыкладна праз месяц з’явіўся ад «Вясёлкі» адказ з надрукаванымі трыма песнямі Ніны Мацяш. Тады падумалася з удзячнасцю: славутая пісьменніца, а мяне, трынаццацігадовага падлетка, уважыла. Такую павагу да асобы, нягледзячы на ўзрост, інтэлект і рангі, мне даводзілася і далей адчуваць і назіраць на працягу нашых ўрыўкавых стасункаў.

Ішоў час. Шасцікласнік стаў настаўнікам беларускай мовы і літаратуры ў Шылінскай базавай школе Бярозаўскага раёна. Некалькі разоў папрысутнічаў на літаратурных сустрэчах з паэткай. Імпанавала яе мілавідная знешнасць. Пазней, бывала, абодва жартавалі пра яе невялікія скулы на твары, намякаючы на спадчынны след нашэсця татар. Заўсёды з прычоскай, прыгожа апранутая і, самае важнае, – няўрымслівая, у вечным клопаце, з агеньчыкам у душы і болем.

І вось аднойчы, дзякуючы характэрнай максімалісцкай наіўнасці, яшчэ тады маладым настаўнікам пасля першага, ужо вочнага знаёмства, адва-

як цуд, Што я жыву»

Мікола Жуковіч,
дырэктар СШ № 1 г. Бярозы

жыўся і патэлефанаваў Ніне Язэпаўне з просьбай напісаць аўтабіяграфію, якая так неабходна была для правядзення ўрокаў беларускай літаратуры па яе творчасці, а за адно і запрасіў тады ў малакамплектную школу ў рамках традыцыйных мерапрыемстваў Тыдня беларускай мовы і літаратуры. Пісьменніца без асаблівых ваганняў пагадзілася завітаць, але выказала сваё меркаванне наконт цяжкай задачы: ужо спрабавала пісаць аўтабіяграфію некалькі разоў, але не атрымоўвалася: нічым асаблівым яна не адрознівалася ад старэйшых пісьменнікаў-класікаў. А хацелася ўсё ж чым-небудзь ды і здзівіць літаратурны свет беларускага чытача.

Праз нейкі час атрымаў акуратна напісаны тэкст доўгачаканай аўтабіяграфіі знаёмай пісьменніцы, а праз пару тыдняў яшчэ і такія-сякія ўдакладненні да яе. Такі эксклюзіў, безумоўна, было грэх «трымаць у сябе пад сукном», тым больш перад пяцідзесяцігадовым юбілеем самой паэтэсы. Атрымаў згоду ад аўтаркі і накіраваў ў рэспубліканскую газету «Літаратура і мастацтва». Быў асабіста задаволены такім сваім крокам.

Дзесьці адразу ў красавіку 1990 года адбылася і літаратурная сустрэча з Нінай Язэпаўнай на сцэне Шылінскага сельскага клуба. Упершыню перад масавым чытачом выступілі са сваімі творамі тады яшчэ і маладыя паэты-першапачаткоўцы Сяргей Амяльчук і Ігар Шарай, якіх прывязла з сабою майстар паэтычнага пяра. Безумоўна, сустрэча прайшла, як кажуць, на вышыні. Відаць, з гэтага часу і ўсталявалася між намі такое творчае сяброўства. Прыкладна праз год мае шылінскія дзеці напрасіліся і школьным аўтобусам прыехалі да Ніны Язэпаўны ў Белаазёрскую гарадскую бібліятэку на спецыяльна наладжаную для іх літаратурную вечарыну.

Наша сяброўства не перапынялася і тады, калі з сям'ёю пераехаў на сталае жыхарства ў Бярозу. Такія мерапрыемствы ладзіліся і з удзелам ужо маіх бярозаўскіх вучняў. А першага верасня 2008 года, у Дзень ведаў, літаральна за некалькі месяцаў да смерці Ніны Мацяш, адбылася чарговая сустрэча з зямлячкай у маёй першай бярозаўскай школе, якая лічылася ўскосна і яе роднай установай: у дзевятым і дзесятым класах яна з'ўлялася яе непасрэднай вучаніцай і выпускніцай, праўда, тады яшчэ ў старым будынку. Зараз гэта Цэнтр пазашкольнай работы.

Да кожнай сустрэчы Ніна Язэпаўна даволі сур'ёзна і адказна ставілася і рыхтавалася. Бывала, у час тэлефоннай размовы разважала, што ж ім, юным грамадзянам, яшчэ такое важнае і цікавае сказаць: усё ж такі яе лірыка больш адрасавана даросламу чытачу. У дарожным самапісным ці друкаваным зборнічку паэтэсы заўсёды ляжалі загадзя падрыхтаваныя закладкі – пазначаліся вершы для чытача пэўнага ўзросту. Абавязковым атрыбутам быў і прывезены ёю падарунак для школьнай бібліятэкі – новы, толькі што выдадзены зборнік вершаў ці перакладаў. Тэма стану роднай мовы, літаратуры былі неад'емнай часткай яе выступлення. Яе лімаўскія радкі: «...З сумам думаецца: гэта ж колькі талентаў змарнела, і колькі можа быць загублена ў зародку, калі Беларусь не паклапоціцца аб сваім галоўным нацыянальным скарбе – мове, калі не надасць ёй дзяржаўнай годнасці, не створыць умоў для яе ўжытку ва ўсіх сферах сацыяльнага і культурнага жыцця!.. Хочацца верыць у лепшае. Бо – яшчэ жыве Беларусь!» – былі яскравым лейтматывам яе гасцявання. Адказам было ўзаемнае, поўнае разуменне юнымі слухачамі яе клопату. Асабліва гэта адчувалася і ў традыцыйных пытаннях напрыканцы сустрэчы. Былі моманты, калі я, як арганізатар сустрэчы, сам не менш хваляваўся за змест стыхійна народжаных і зададзеных пытанняў ад сваіх выхаванцаў. Напрыклад, добра памятаю (для мяне шокавае) пытанне: «Як Вы, Ніна Язэпаўна, ставіцеся да таго, што творы мастацтва аўтарамі ўсё ж такі прадаюцца?» І тут праз невялічкую паўзу Мацяш была на вышыні: «А мастаку таксама за нешта трэба есці? І калі гэта сапраўдны твор мастацтва, то ён не прападзе, «...А ўперад рынецца, маўляў крыніца...» Проста і ўсё зразумела.

Пазней даводзілася самому ў якасці вадзіцеля некалькі разоў суправаджаць Ніну Язэпаўну і на іншыя літаратурныя мерапрыемствы, напрыклад, у горад Янаў ці Брэст. Час у дарозе пралятаў імгненна, цікава: з абмеркаваннем палітычных падзей у краіне, станам

Фота Алены Раманюк

беларускай літаратуры і наогул сродкаў масавай інфармацыі, аповедам пра жыццё агульных знаёмых паэтаў, з песнямі і жартамі. Як цудоўна, мякка, сакавіта яна сама і, бывала, са сваімі сяброўкамі Галінай Скарынай, Раісай Жмачынскай выконвала беларускія народныя песні! Такія, як «Ой, сівы конь бяжыць» ці «У гародзе верба расла», адразу сталі і маімі любімымі песнямі. Як хораша пакладзены многія яе ўласныя вершы на музыку разнастайнымі кампазітарамі і ёю самою. І як набытак гэтага, засталіся і для маёй сям'і падараваныя ёю аўдыёкасета «Бэзавая завіруха» і кампакт-дыск.

Фота Міколы Жуковіча

Так, шанцавала вучням першай бярозаўскай школы на сустрэчы з пісьменнікамі. За апошнія гады ў свой час пабывалі ў ёй Юрый Татарынаў, Кастусь Тарасаў, Генадзь Бураўкін, Сяргей Законнікаў, прафесар-мовазнаўца Віктар Красней і прафесар-літаратуразнаўца Вера Ляшук, паэтэса-зямлячка Валянціна Осіпава. А дзякуючы зноў жа Мацяш, у снежаньскі дзень 2008-га па дарозе з Мінска на Белаазёрск завіталі і да нас у госці адразу аж трое майстроў пяра і беларускай песні – Васіль Жуковіч, Міхась Скобла і Алесь Камоцкі. На жаль, Ніне Язэпаўне ўжо не паспеў выказаць свае ўзнёслыя ўражанні і падзяку аб праведзеным уроку гасцей: праз тры дні сяброўкі не стала.

За гады сяброўскіх стасункаў з Нінай Язэпаўнай пераканаўся, што хто б ні быў яе субяседнікам, хацеў не хацеў (зноў жа нягледзячы на рангі), а станавіўся аднадумцам: умела яна тактоўна пераканаць апанента важкімі і простымі аргументамі. У адзін са светлых кастрычніцкіх дзён 2009 года давялося выпадкова прысутнічаць пры дыялогу дзвюх равесніц, служак: роднага слова – Мацяш – і Хрыста – ігуменні Барысаўскага жаночага манастыра Раісы. Матухна між іншым завітала праведаць сваю даўнюю сяброўку. Зразумела, што праваслаўная госця па сваім статусе і веры пачала гаворку па-руску. Спачатку апавядала пра праблемы толькі што адкрытага жаночага манастыра, затым пахвалілася, што расійскі ўрад дае грошы на рэстаўрацыю «свайго» замка ля Барысава і плануе адзначыць двухсотгадовы юбілей перамогі ў Айчыннай вайне 1812 года. Наракала, што вось, чамусьці, беларускі бок пакуль нічога не паабяцаў. Зразумелымі былі клопаты ігуменні. Але затым дыялог працягнула сама гаспадыня Ніна Язэпаўна. Быў здзіўлены прамалінейнасці яе думак наконт таго, што ніякая гэта і не расійская крэпасць. Будавалі ж яе нашы продкі-беларусы! А Расія, калі хоча адзначыць свята, то няхай і фінансуе рэстаўрацыю. Ігумення пагадзілася з субяседніцай, змяніўшы настрой гаворкі, незнарок перайшла на гаворку па-беларуску і практычна без памылак. А на развітанне абедзвюм сяброўкам я прапанаваў сфатаграфавацца. На жаль, гэты здымак Ніна Язэпаўна таксама не паспела атрымаць.

У прыватнай перапісцы са мною даследчыца творчасці Ніны Мацяш, прафесар-літаратуразнаўца, метадыст Вера Ляшук, пачуўшы страшную і балючую вестку аб пахаванні, напісала: «Смерць Ніны – гэта вялікая страта. Яе жыццё, яе творчасць вучылі жыць не хныкаючы, ісці па жыцці мужна, умець працаваць, адужваючы свае хваробы». І затым падумалася: а мы, з дзвюма нагамі і рукамі, ці зрабілі столькі, колькі зрабіла Ніна Мацяш? ■

Успаміны сяброў

Галіна Халімончык,
настаўнца беларускай мовы і літаратуры

Ліст да Ніны

Ніна, Ніначка!

Колькі дабра і міласэрнасці было ў Табе! Помніцца такі выпадак: у брата ў Івацэвічах здарылася няшчасце – згарэла амаль усё ў доме. Ты нават не ведала майго брата, але такое ўжо ў Цябе сэрца. Яно хварэла за ўсіх. Асабліва за тых, каму цяжка. І Ты (я і зараз бачу ўсё гэта так яскрава) перадала праз нас, сясцёр, яму чайны сервіз, белы ў крапінку. Ён так здзівіўся: «Дык я ж ёй чужы, невядомы чалавек!» Але гэта была Ты, разумная, душэўная.

Ты вучыла нас, настаўнікаў беларускай мовы і літаратуры, быць паслядоўнымі ў сваіх поглядах. А калі трэба, то і праявіць грамадзянскую мужнасць. Асаблівы клопат быў у цябе аб становішчы нашай мовы. Ты была нашым сумненнем і нашым маяком. Пры Табе мы не дазвалялі сабе гаварыць па-руску. Нават не слалі ў раённую газету допісы на рускай мове. Стараліся падцягнуцца ў сваіх поглядах і сваёй грамадзянскай пазіцыі да Цябе…

А як Ты ўмела згуртаваць нават незнаёмых паміж сабой людзей! Умела зрабіць іх аднадумцамі. Ты рада была бачыць людзей, бо тваё сэрцайка і душа былі адкрыты кожнаму. Твая кватэра была сапраўднай Меккай, куды ішлі за парадай, за дапамогай, за мудрым словам. І светлага агеньчыка дабра хапала на ўсіх.

Я сабрала ўсе твае кнігі, самаручна Табой падпісаныя, і адчуваю, што нават у кароткіх подпісах жыве твая душа, шырока адкрытая кожнаму чалавеку, б'ецца часцінка твайго шчодрага сэрца.

Успамінаю твае паэтычныя словы, адрасаваныя настаўніцы Шуй В.В.:

Вас не забудзем ніколі мы.
Дай Бог Вам долі зычлівае:
Ходзячы сцежкамі дольнымі,
Быць і нябёсна шчасліваю!

Гэтыя словы хачу аднесці да Цябе, наша Ніначка… ■

Увасабленне жывой беларускасці

Алена Усцілоўская,
выпускніца БДУ

Ёсць людзі, і пасля смерці якіх мы кажам: яны жывуць. Яны сярод нас. Бо вечная тая памяць, якая ўскалыхвае і абуджае нашыя сэрцы з кожным прачытаным радком, з кожнаю новай думкай і новым сэнсам, што закладзены ў міжрадкоўі…

Горасна-сумна ўсведамляць, што Ніны Мацяш няма сярод нас. Аднак гэта светлы сум, бо як можна адмаўляць прысутнасць *тут і зараз* гэтага чалавека? Для мяне яна – у кожным гуку вымаўленых па-беларуску слоў з яе і не з яе твораў. Для мяне яна – увасабленне беларускасці, з кожным днём усё больш занядбанай і загубленай, усё часцей толькі кніжнай і для большасці незразумела-чужой.

Жывой беларускасці, што крывавіць кожным словам. І баліць.

Святой беларускасці, што просіць малітвы на роднай мове.

Сваёй Беларускасці…

Ніна Мацяш пісала пра тое, да чаго кожны з нас так ці інакш звяртаецца ў думках: пра штодзённае жыццё. Здавалася б, усё даволі проста: пісаць пра жыццё… Аднак не кожны зможа. І зусім ***не магчыма*** пісаць так, як рабіла гэта яна. Для Ніны Мацяш напісанне вершаў на роднай мове, яе перакладчыцкая дзейнасць, заняткі ***пёркаграфіяй*** былі не проста працэсам стварэння чагосьці. Гэта было ***невытлумачальнай неабходнасцю.*** Хай часам вершы нашай паэткі падаюцца цяжкімі ва ўспрыняцці і незразумелымі чытачом. Праблема ў вершах ці ў чытачах? Як мне здаецца, простыя ісціны ў яе вершах не заўсёды ляжаць на паверхні. Можа, яны хаваюцца ў семантыцы беларускіх неалагізмаў, якімі поўняцца яе вершы *(за што паэтцы асаблівае дзякуй!)*. Магчыма, між словамі ці радкамі. А што, калі скарб разумення – у самім чытачы? У яго здольнасці ці няздольнасці *ўспрымаць і быць адкрытым да ўспрымання?* Бо філасофія паэзіі (і жыцця) Ніны Мацяш даволі простая:

Душа нектар свой,
Быццам пчолка,
усё шукае ў полі руху.
Н.Мацяш

Неўсведамляльна тое, што перапаўняла душу гэтага чалавека, чые думкі ператвараліся ў вершы. Глыбокія вершы. Глыбінныя вершы.

Углядаюся ў людскія твары:
Чый жа боль сягоння мне баліць?
Н.Мацяш

Усе мы хварэем аднолькава: каханнем, знявагай, зайздрасцю, спакусай... Усе грашым няшчырасцю і няўвагай адзін да аднаго. Бо не хапае часу. Бо не хапае волі шчыра і адкрыта любіць. Для Н.Мацяш гэты *боль* – жыццё і творчасць. Сэнс і звышсэнс, бо

Сонца не за гарамі –
Яно за болем маім.
Н.Мацяш

Пра гэты боль пісала. З гэтым вечным болем жыла. З болем не за сябе. За людзей. За мову. За родную Беларускасць.

P.S. Пішу гэтыя радкі са слязамі на вачах. Заўсёды цяжка пераносіць блізкае і роднае з катэгорыі цяперашняга часу ў мінулы. Таму з надзеяй на вечнае незабыццё сёння ўзгадваю радкі Нашай Паэткі:

Памру – забудуць хутка. Не змагла
Тут вартага зрабіць я анічога,
Хоць і выпальвала душу датла
Пакутай за сябе і за другога.

А што пакіну? Толькі жменьку слоў,
Мелодыйку любові і змагання
За ўсё, што выбаўляе з кайданоў
Абездухоўленага працвітання.

Ляці, мая мелодыйка, ляці!
Будзі сінічкаю дрымучасць неба,
Калі мне не хлусілі пры жыцці,
Што нехта меў тут і ў табе патрэбу…

1984 г.

Алена Усцілоўская

Ніне Мацяш

Халады ды сцюжа
Замаркоцяць,
А з-за шыбы свету
Будзе не відаць.
Толькі чуцен
Тонкі галасочак –
Нібы спеў нябесны –
Зноў чуваць…

Чараўніца тая
Ці знайшлася,
Што ўратавала б
Ад варання?
Толькі з неба
Песняй пралілася
І вясновым воклічам
Яна…

А на ніве жніўнай
Карагодзіць
Ураганны вецер
З цішынёй.
Гэта хіба ён
Тугу наводзіць
Васількова-
радаснай парой?

І нясе бяссмерца
Словы тыя,
Што перапляліся
З цішынёй.
VITA BREVIS.
PATRIA AETERNIS.*

Памяць вечная
І супакой…

*VITA BREVIS. PATRIA AETERNIS. – Жыццё кароткае. Радзіма вечная. *(лац.) (назва аднаго з вершаў Ніны Мацяш)* ■

Встреча с Наполеоном

Интересная вещь – человеческие ассоциации. После разговора с художником Анатолием Морозюком мне ни с того ни с сего вдруг вспомнился Булат Окуджава. Хотя ни о поэзии, ни о самом поэте мы не разговаривали. И только спустя некоторое время меня осенило: у Окуджавы же есть роман «Свидание с Бонапартом»! А дальше, как по цепочке, в памяти всплыл еще один роман «Путешествие дилетантов», затем цитата из статьи, написанной сразу после смерти поэта: «Булат Окуджава был великим дилетантом». Чтобы не вводить в заблуждение читателя, спешу сказать, что на самом деле речь пойдет не о поэте и не о Наполеоне Бонапарте, а о художнике Анатолии Морозюке, который живет в городе Березе и который никак не относит себя к художникам-профессионалам – одним словом, дилетант. А встреча с Наполеоном – с Наполеоном Ордой – произошла, когда ему, Анатолию, было сорок.

– Эта встреча была настолько неожиданной и яркой, что перевернула многие мои взгляды на творчество, – рассказывает Анатолий. – Я работал тогда в Березовском краеведческом музее. И наткнулся на фамилию Орда. Стал читать о нем. Я был потрясен! Не его картинами (это будет позже), а тем, что он жил, писал в деревне Вороцевичи под Ивановом, в километрах десяти от хутора деревни Огово, где прошло мое детство. И я, который к окончанию средней школы знал биографии и работы почти всех европейских художников, ни разу не слышал о своем земляке Наполеоне Орде. Я был шокирован и расстроен одновременно.

Интерес к художнику рос. И все чаще стала всплывать давняя детская мечта – нарисовать все церкви, костелы, синагоги, молитвенные дома, которые есть или были в Ивановском районе. Помню, как пацаном ездил по деревням, присматривался, делал наброски. Я ведь не знал тогда, что рисовать святыни – дело непростое. После школы уехал из Иванова и увез с собой мечту, которую вскоре благополучно позабыл.

А после сорока мечта проснулась, стала напоминать о себе, бередя душу. А так как уже несколько десятилетий я живу в Березе, то само собой, на холсты стали проситься храмы Березовщины.

Должен сказать, что написано немало. Не могу назвать точного количества, потому что никогда не считаю картины, но зато знаю, сколько осталось – шесть. Меня иногда спрашивают, почему не выставляю эти работы. Ответ простой – мне хочется показать их все сразу.

– Вы пишете только действующие храмы?

– Не только. Скажу, что больше даже меня занимают те святыни, которых уже нет, либо те, которые были до их реставрации. Делаю это по фотографиям. А что-то успел «захватить» еще до того, пока их не отстроили. Например, у меня запечатлена наша Березовская Свято-Петро-Павловская церковь в ее первоначальном виде, а также Черняковская Свято-Николаевская церковь.

Сколько удивительных историй, связанных с храмами, хранит людская память! Не могу удержаться, чтобы не рассказать одну из них, которую услышал от своих соседей, переехавших в Березу из деревни Спорово.

Была в Спорово до войны церковь, которую разрушили во время авиабомбежки немецкие летчики. А вскоре после войны в деревню приехал немецкий офицер, пилот высшего класса. Военный попросил всех сельчан собраться и, когда они, заинтересованные, собрались, встал перед ними на колени и начал просить прощения. Прощения за то, что разрушил их церковь. Он сказал, что видел, как бомба – именно его бомба – упала прямо на церковь.

К большому сожалению, я так и не смог найти ни одного снимка, сохранившего разрушенный храм.

– Анатолий, расскажите, пожалуйста, о тех своих картинах, которые написаны по фотографиям.

– Идея такая – показать, каким был наш город (почти на всех картинах изображен именно город) в начале 20 в., сразу после первой мировой войны.

Это интереснейшая работа – писать прошлое по фотографии. Меня она очень увлекла и в плане историческом. Вот рассматриваешь старую, конечно же, черно-белую фотографию, на которой сделаны некие надписи, часто различимые только под лупой или при увеличении на компьютере. И начинаешь думать: какая это улица запечатлена? Если нынешняя Красноармеская, то откуда тогда на заднем плане двухэтажное сооружение возле Красных казарм? Его теперь там нет. Начинаешь искать по старым картам. Ага, оказывается, на одной из карт здание помечено. Но выясняется, что данная карта не может быть стопроцентным подтверждением, потому что сделана она одним березовчанином по памяти, уже после того, как он выехал из Березы и вообще из Беларуси. И тогда подписать точно, какая улица на снимке, я не могу, не имею права.

Меня очень занимает, когда начинаешь угадывать цвет домов, материал, из которого сделано здание, потом ищешь в книгах подтверждение своим догадкам. А как интересно работать со светом! Помню, рассматривая одну фотографию, я уже полностью утвердился в мысли, что это как раз та часть улицы Советской, которая прилегала к базарной площади (нынешняя площадь Ленина). И когда стал рисовать, вдруг сообразил, что тень от человеческих фигур падает с севера на юг. Но солнце не может быть на севере! В итоге эта работа осталась безымянной.

– Анатолий, кто Вы по профессии?

– Архитектор. Даже был в свое время архитектором Березовского района. Но это не мое. И я знал об этом, когда учился в институте, и порывался бросить его после второго курса, но преподаватель уговорила остаться. Так я не нашел себя в архитектуре и не стал профессиональным художником (улыбается). Но рисовать очень люблю, и всегда любил, с самого детства.

– А пишете под заказ?

– Если скажу, что нет, то, конечно, слукавлю. Бывало всякое. Но такие заказы не доставляют полного удовлетворения, так как я вынужден передавать не свои эмоции, а подстраиваться под желания заказчика. За всю свою жизнь я сделал одну копию. В девятом классе. Это была картина Шишкина «Дождь в дубовом лесу». После этого я понял, что копии можно и нужно делать, но только не с некачественных репродукций, а с подлинников.

Однажды я рисовал пейзаж с заиндевелыми деревьями. А на следующий день сделал то же самое: те же деревья, небо. И теперь посмотрите на эти картины. Это две абсолютно разные работы. Одна радостная, полная света, а другая мрачная. Пейзаж был тот же, но я уже был другим. Нельзя повторить настроение.

– Вам много времени надо, чтобы написать картину?

– Есть, например, у меня триптих под названием «Реквием», который писал около двадцати лет. А вот этот натюрморт (Анатолий показывает на кувшин с пионами) нарисовал вчера. Когда я заканчиваю работу, то чаще всего не испытываю глубокого удовлетворения: такое чувство, будто что-то недорисовал. И в то же время понимаю, что лучше вряд ли бы сделал. А проходит время, и мне кажется, что это вообще не моя картина.

– Кто Ваши критики? К чьему мнению Вы прислушиваетесь?

– Есть, конечно, друзья-художники, чье мнение мне не безразлично. Но первый и главный критик – это моя жена. Она тоже архитектор, когда-то много рисовала и неплохо, но теперь, к сожалению, оставила это занятие. Говорит, что не жалеет.

– Анатолий, на Вашем счету много выставок?

– Скажу честно, я не большой сторонник выставок, и мне не очень нравится то, что делают теперь. Я имею в виду так называемые персональные выставки, очень модные в наше время. Меня удивляет, когда молодой художник только-только начал рисовать – и сразу персональная выставка. Гораздо эффективнее, на мой взгляд, было бы провести один раз в год большую выставку, в которой примут участие разные художники. Тогда у авторов будет мощный стимул, чтобы показать зрителю самые лучшие свои работы.

Хотя, конечно же, выставки нужны нам. Это уникальное общение художника со зрителем на особом языке – языке живописи.

Когда-то я даже умудрился получить главную награду на областной выставке за картину… моей жены. Дело в том, что произошла ошибка. Работа жены была подписана Морозюк М. В., а моя – Морозюк А. В. Нас просто перепутали. В итоге награда досталась мне. Вот такой я художник (улыбается). Я отлично понимаю, что мне далеко до моего земляка Наполеона Орды, но меня это совсем не огорчает. Мне просто очень нравится то, чем я занимаюсь.

P. S. Как всякий дилетант, неуверенный, но прекрасный в своей скромности, художник Морозюк говорит картинами гораздо больше, чем словами. То тихо, почти шепотом, красивыми пейзажами рассказывает о любви к своей земле. То вдруг закричит о том, что наболело. То неожиданно в поиске смысла жизни попросит о помощи.

Он мыслит живописью, поэтому все картины художника наполнены философским смыслом.

Беседовала Ирина Богуш
Фото Марии Морозюк

На последней странице номера – некоторые картины художника, нарисованные по фотографиям

О'Генри

Последний лист

Рассказ

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два. Некоему художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси – уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мхом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

– У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, – сказал он, стряхивая ртуть в термометре. – И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопея теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

– Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

– Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, например, мужчины?

– Мужчины? – переспросила Сью, и ее голос зазвучал резко, как губная гармоника. – Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

– Ну, тогда она просто ослабла, – решил доктор. – Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти вместо одного из десяти.

После того, как доктор ушел, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертежной доской, насвистывая рэгтайм.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в литературу. Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шепот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала – считала в обратном порядке.

– Двенадцать, – произнесла она, и немного погодя: – одиннадцать, – а потом: – «десять» и «девять», а потом: – «восемь» и «семь» – почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

– Что там такое, милая? – спросила Сью.

– Шесть, – едва слышно ответила Джонси. – Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

– Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

– Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

– Первый раз слышу такую глупость! – с великолепным презрением отпарировала Сью. – Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка!

Иллюстрация Любови Пакулиной /m-m.sotcom.ru/

Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

– Вина тебе покупать больше не надо, – отвечала Джонси, пристально глядя в окно. – Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

– Джонси, милая, – сказала Сью, наклоняясь над ней, – обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

– Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? – холодно спросила Джонси.

– Мне бы хотелось посидеть с тобой, – сказала Сью. – А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

– Скажи мне, когда кончишь, – закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, – потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, – лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

– Постарайся уснуть, – сказала Сью. – Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевеловыми ягодами, в его полутемной каморке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

– Что! – кричал он. – Возможна ли такая глупость – умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

– Она очень больна и слаба, – сказала Сью, – и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, – если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

– Вот настоящая женщина! – закричал Берман. – Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

– Подними ее, я хочу посмотреть, – шепотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась. И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща – последний! Все еще темнозеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

– Это последний, – сказала Джонси. – Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

– Да бог с тобой! – сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. – Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща де-

Логишин ждет музыкантов

Прошлогоднее паломничество к чудотворной иконе Матери Божьей Логишинской было необычным по той причине, что организаторы праздника дали двум музыкальным группам уникальную возможность выступить перед пилигримами с концертом.

Есть надежда, что эти выступления станут традиционными и перерастут в настоящий фестиваль.

Нынешним летом, 21 августа, Логишин снова готов принять не только всех паломников, но и предоставить музыкальную площадку тем, кто прославляет Бога песней.

За справкой можно обращаться по телефону +375297921096 (кс. Эдуард)

Фото Ирины Богуш

ржится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все еще оставался на месте. Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

– Я была скверной девчонкой, Сьюди, – сказала Джонси. – Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

– Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

– Шансы равные, – сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. – При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

– Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход – и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой – вместе с подушкой.

Фото Андрея Козлова

– Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, – начала она. – Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана – он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист. ■

КАРТУЗ-БЕРЕЗА

Основатель – редакция журнала «Картуз-Береза»
Главный редактор – Ирина Богуш
Компьютерная верстка – Евгений Попко
e-mail: kartuz@mail.by
web: www.kartuz-bereza.com
Журнал издается на пожертвования читателей
Распространяется бесплатно
Выходит 1 раз в 3 месяца
Тираж номера 299

Фото bereza.info

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?
(Кор 15, 55)

Фото Аллы Неверович

Художник Морозюк рисует прошлое по фотографии

